

территориальной реорганизации 1926 г., которая осуществлялась в общероссийском масштабе и привела к упразднению волостей и уездов.

1. ГАКК. Ф. П. 19. Оп. 1. Д. 137.
2. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 49. Д. 127.
3. ГАКК. Ф. Р. 30. Оп. 1. Д. 1.
4. Там же. Ф. П. 19. Оп. 1. Д. 28.
5. Там же. Д. 138.

А. В. Петров ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ КАМЧАТКИ: НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ

Аннотация. Публикация посвящена становлению советской рыбной промышленности на Камчатке в конце 20–30-х гг. XX в. Показана предыстория русско-японских рыболовных отношений с 1907 по 1923 г. Рассматриваются первые шаги советского правительства по вытеснению иностранного капитала из отрасли и урегулированию камчатского рыболовства (создание Акционерного Камчатского общества). Основное внимание уделяется деятельности (30-е гг. XX в.) Озерновского рыбокомбината АКО.

Ключевые слова: Дальний Восток, Камчатка, рыбная промышленность, Акционерное Камчатское общество, АКО, Озерновский рыбокомбинат.

Abstract. The publication is devoted to the formation of the Soviet fish industry in Kamchatka at the end of 1920–1930's of the XX century. The prehistory of the Russian-Japanese fishing connections from 1907 to 1923 is presented. The article shows the first steps of the soviet government on exclusion of the foreign capital from this branch and regulation of Kamchatka fish industry (formation of Kamchatka Stock Corporation). The main attention is paid to the activity of Ozernovsky fish cannery of Kamchatka Stock Corporation (in 1930's of the XX century).

Key words: Far East, Kamchatka, fish industry, Kamchatka Stock Corporation, Ozernovsky fish cannery.

В 1923 г. научпромбюро Дальрыбохоты выпустило в свет сборник «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока». Уже во введении говорилось: «Лососевые распространены по всему побережью. Нет той реки, между реками Тюмень-ула на юге и Анадырь на севере, куда не входили бы лососи. Лососей ждут все: начиная от человека и кончая медведем. И вот при переходе к лососям восторг сменяется унынием. Да, богатства велики, ценности промысла реальны, но перспектив уже нет. И не мудрено. Слишком долго человек останавливал внимание только на лососевых. Равновесие в природе нарушено[,] и нужны уже героические меры, чтобы спасти положение.

Теперь[,] на наш взгляд[,] происходит следующее: с каждым годом, вследствие вылова, все меньше и меньше поступает молоди лососей в море» (6, с. III).

В этом же сборнике И. И. Кузнецов в статье «Значение промысла лососевых Дальнего Востока и искусственное рыборазведение как одно из главнейших средств для охранения рыбных запасов» писал:

«Без сомнения, правильно поставленная эксплуатация рыбных богатств должна вызвать соответственное развитие и других отраслей промышленности, которые в той или иной степени связаны с ловом и обработкой рыбы, и вместе с тем способствовать оживлению коммерческих сношений с другими странами, развитию русского каботаж. Самое же главное, если говорить вообще о колонизации камчатских пустынных берегов, столь желательной в интересах государственных, то она возможна прежде всего на почве рыбного промысла, от которого в настоящее время зависит не только благосостояние жителей окраины, но также и многих других местностей на побережье» (там же, с. 147).

В работе профессора Н. П. Огановского «Очерки по экономической географии СССР» мы читаем: «Второй по размерам добычи – Дальне-Восточный бассейн, который начал ускользать из-под русской власти уже вскоре после японской войны. Дальне-Восточный бассейн делится на несколько районов, из которых самые важные – Охотско-Камчатское побережье и Амурский

лиман. После заключения рыболовной конвенции с японцами в 1907 г. последние получили одинаковое с русскими право ловить рыбу на море. Благодаря этому, в 1916 году 84 % всех рыбных промыслов на тихоокеанском побережье оказалось в японских руках. Сверх того японцам повезло: лососевые рыбы, которые раньше массами шли в Амурский лиман для нереста (икрометания), теперь поворотили в реки Охотско-Камчатского края» (3, с. 222).

4 июня 1927 г. уполномоченные лица Наркомторга СССР, Наркомторга РСФСР, ВСНХ СССР, ВСНХ РСФСР, Далькрайисполкома в лице краевого совнархоза, Госторга РСФСР и акционерного общества «Совторгфлот» подписали в Москве договор об образовании АКО – Акционерного Камчатского общества. Общество это было учреждено в целях «развития экономической жизни и рационального использования естественных богатств Камчатского Округа и Охотского и Ольского районов ДВК, островов, находящихся в Охотском и Беринговом морях, и острова Врангеля в Ледовитом океане».

Задачами общества являлись:

а) эксплуатация в вышеназванных районах рыбных, пушных, горных и других естественных богатств и организация зверобойного промысла;

б) развитие рыбного дела путём расширения базы рыбопромышленности как на речных, так и на морских участках, перехода от засола рыбы к консервированию её, постановки разведения лососевых и перехода к другим интенсивным формам рыбного хозяйства;

в) развитие пушного дела;

г) промышленная переработка добываемых и скупаемых продуктов;

д) торговля всеми добытыми, переработанными и скупленными продуктами;

е) снабжение населения и промыслов всеми необходимыми товарами;

ж) производство всякого рода изысканий и горных разведок, а также эксплуатация горных богатств, скупка золота и его реализация;

з) организация оленеводства» (ГАКК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 481).

Основной капитал общества был установлен в 11 млн рублей и разделялся на 440 акций по 25 тыс. рублей каждая.

Совет общества располагался в Москве, а правление находилось во Владивостоке.

20 сентября 1927 г. на собрании акционеров общества под председательством народного комиссара торговли СССР А. И. Микояна было принято решение:

«Принимая во внимание не только хозяйственное[, но] и громадное политическое значение организуемого общества, – предложить правлению с особым вниманием и энергией взяться за работу, помня, что на нём лежит ответственная задача развития края, насаждения культуры и организация хозяйства» (там же).

В 1929 г. АКО во Владивостоке снаряжало спасательную экспедицию на ледорезе «Фёдор Литке» к острову Врангеля. Эта экспедиция должна была снять первую советскую колонию, завезенную на остров Врангеля в 1926 г., и высадить смену. Участница экспедиции, корреспондентка «Известий» Зинаида Рихтер, оставила воспоминание о посещении конторы общества:

«В конце города, за вокзалом, в стороне от дороги, возвышается новый дом с непросохшими еще стенами и квадратными окнами, в которых до позднего вечера, а иногда и всю ночь горит электричество и стрекочут пишущие машинки <...>.

В связи со снаряжением и отправкой экспедиции „Литке“ АКО работает почти круглые сутки. Все другие дела отложены.

– Подождите, вот отправим „Литке“, тогда... – урезонивают нетерпеливых, настойчивых посетителей работники АКО. – Только бы нам вас отправить, как гора с плеч... – устало говорят они литковцам.

Организация экспедиции была проведена председателем правления АКО тов. Нацаренус. Но дожидаться отправки „Литке“ ему не удалось: он должен был уехать на Камчатку для обследования и организации оленьих питомников, и снаряжение экспедиции закончили его заместитель Чаплыгин и член правления Шейн, совместно с капитаном Дублицким.

АКО — организация совсем молодая, но очень сильная.

Территория деятельности АКО огромна: Камчатка, Чукотка, Тихоокеанские острова, Полярные острова, остров Врангеля и остров Геральда. С возникновением АКО ликвидировались все остальные хозяйственные организации на дальнем северо-востоке: Госрыбтрест, Госторг, Дальгосторг и другие, передав АКО свои функции. АКО, не ограничиваясь эксплуатацией богатств края, строит новые консервные заводы по последнему слову американской техники (в Усть-

Камчатке, в Озерной, на западном побережье и т. д.). Улучшение засола, постройка новых (конвейерных) заводов должны во много раз увеличить рыбную продукцию. Чавыча, кета, горбуша, красная, кижуч – вся эта рыба Дальнего Востока огромных размеров и имеется в неисчерпаемом количестве; сбыт её в Англию, Японию и на внутренние рынки – неограниченный...» (5, с. 28–30).

Водные биологические ресурсы (сначала морской зверь, потом рыба) Камчатки, в частности юго-западного побережья, исторически осваивались не только туземцами и русскими переселенцами. Пользуясь безнадзорностью полуострова в добольшевицкие времена, здесь хозяйствовали ближние и дальние предприниматели. К примеру, на Явинских банках американские браконьерские шхуны промышляли треску, позже их сменили японцы. Подписание в 1907 г. вышеупомянутой позорной конвенции стало торною дорожкой, приведшею иностранных предпринимателей не только в камчатские территориальные воды, но и на морские берега. В Портсмуте японские дипломаты требовали свободного лова вдоль берегов Охотского, Японского и Берингова морей, в заливах, гаванях, бухтах и реках. Это требование удалось ограничить, и внутренние воды формально оказались недоступными. Однако фактически с 1907 по 1923 г. японцы действовали в реках, пользуясь фиктивной арендой речных участков русскими предпринимателями: существовал специальный тип дельцов, торговавших своим подданством.

В 1921 г. Япония односторонне отменила конвенцию, декларировав так называемый «свободный лов» и установив режим «самоохраны промыслов». Японцы принимали арендную плату за принадлежащие России участки и силами военного флота охраняли своих рыбопромышленников.

В 1922 г. из 426 арендованных на полуострове участков японцам принадлежали 400 – 94 %. 83 речных и 26 морских участков находились в «аренде» у 82 русских частных, фактически являвшихся подставными лицами. Накануне советизации Камчатки русским предпринимателям принадлежали лишь 16 % участков.

По состоянию на 1 января 1923 г., из 23 находившихся на Камчатке рыбоконсервных заводов только 2 принадлежали русским предпринимателям. Причём, один из них, «Демби», входил в японское объединение «Хокай сейкай соокой кабусики кайся». На западном побережье властвовала фирма «Ничиро», тогда ещё не поглотившая всех своих конкурентов и не создавшая единый трест. Ежегодно, с началом сезона, камчатские берега покрывались густой сетью японских неводов и рыбалок.

Использование рыбных богатств Камчатки регулировалось конвенционным соглашением с Японией, первоначально возникшим в 1907 г. после поражения России в русско-японской войне.

Рыболовство советских конвенционных вод ещё на грани второй пятилетки, в 1932 г., составляло 8,6 % от общих уловов страны, более трети уловов Дальнего Востока, свыше половины всего улова лососей и 100 % улова нерки в СССР. В соответствии с сертификацией тех лет лосося, наряду с осетровыми, принадлежали к наиболее ценным породам рыб, дававшим высококачественную продукцию для потребления внутри страны и отправки на экспорт.

Государственные предприятия западного побережья Камчатки по плану 1936 г. давали почти 70 % всей добычи рыбы этого района. Четыре комбината юго-западной части побережья (из десяти имевшихся на всём побережье), в свою очередь, давали почти половину всех уловов этого района: 221,4 тыс. ц из 464,2 тыс. ц общего улова.

Большеречский район, бесспорно, представлял исключительное значение – его продукция, к примеру, в 1934 г. составила 681 тыс. ц рыбы-сырца (62,9 % плана АКО), около 100 тыс. ящиков консервов, в том числе 80 тыс. лососевых и крабовых на экспорт.

При этом уже тогда государственные органы власти пришли к мнению, что район был совершенно не устроен, даже не имел фактических границ: *«Уже самый контур района вызывает сомнение в целесообразности его пространственного размещения. Администрировать столь мало аррондированной территорией в условиях камчатского бездорожья на суше и малой проходимости, при данных условиях технической вооружённости береговых водных пространств по морю – представляется делом значительной сложности»*. Так как состав границ района был определён ещё до 1925 г., он являлся тормозом развития освоения производительных сил западного побережья в целом. Площадь Большеречского района в предвоенные годы (т. е. до выделения из его состава Соболевского района) составляла около 50 тыс. км² – она превышала площадь ряда европейских государств. Однако совокупное население района (без иностранных концессий) колебалось между зимней цифрой в 7,6 тыс. человек и летней – около 12 тыс. Причём на 100 мужчин приходилось всего 56 женщин. При этом на долю несельскохозяйственного населения приходилось свыше 90 % – рабочие и служащие АКО составляли 70 %, а среди оставшихся колхозников и единоличников основная масса была занята рыболовством.

Предлагаемый ниже текст – начало рассказа о рыбокомбинатах АКО, располагавшихся в предвоенные годы на побережьях полуострова.

«1. Озерновский рыбокомбинат – принят АКО в 1928 г. от Дальгосрыбтреста, в этом же году закончен строительством и сдан в эксплуатацию рыбоконсервный завод, в 1933 г. принята от Люри Нижнеозерская группа участков с РКЗ. В 1938 г. из состава Озерновского комбината выделена как самостоятельно действующее предприятие Опалинская база (рыбозавод). В настоящее время в составе Озерновского комбината находятся 3 рыбозавода, 2 консервных завода и 1 холодильник.

2. Опалинский рыбозавод – выделен в 1938 г. из состава Озерновского комбината.

3. Большеерецкий комбинат – построен „Дальрыбпродуктом” в 1930 г., передан АКО в 1933 г., включен в состав Большеерецкой группы промыслов АКО. В 1935 г. разукрупнен на два комбината: им. тов. Микояна и Большеерецкий. В настоящее время в состав последнего входят 2 рыбозавода и 1 рыбоконсервный завод.

4. Комбинат им. тов. Микояна – в состав комбината входят 4 рыбозавода, 1 рыбоконсервный завод и 1 холодильник.

5. Митогинский комбинат – в составе АКО с 1938 г., принят от Люри и „Дальрыбпродукта”. В настоящее время в составе комбината находятся 5 рыбозаводов и 1 рыбоконсервный завод (построен в 1943 г.).

6. Кихчикский рыбокомбинат – организован в 1928 г. на базе Кихчик-Кольских участков АКО, в 1929 г. построен и сдан в эксплуатацию рыбоконсервный завод, в 1933 г. АКО передана Пымтинская группа рыболовных участков, принадлежавших раньше Люри. В 1938 г. комбинат был разукрупнен на два: Кихчикский и Пымтинский. В настоящее время в составе Кихчикского комбината находятся: 3 рыбозавода, 1 рыбоконсервный завод и 1 холодильник.

7. Пымтинский комбинат – в настоящее время в составе находятся 2 рыбозавода морских, 2 рыбозавода речных, 1 рыбоконсервный завод и 1 холодильник.

8. Рыбокомбинат им. Кирова – построен Всекопромрыбасоюзом в 1929 г., передан в АКО в 1933 г., одновременно была принята база „Дальрыбпродукта”, включенная в состав комбината. В настоящее время в составе комбината находятся 3 рыбозавода и 1 холодильник.

9. Крутогоровский рыбокомбинат – передан АКО „Дальрыбпродуктом” в 1931 г. в составе 5 баз и 2 консервных заводов. В 1938 г. комбинат разукрупнен на два: Колпаковский и Крутогоровский. В настоящее время в составе последнего находятся 3 рыбозавода и 1 консервный завод.

10. Колпаковский рыбокомбинат – в настоящее время в составе комбината находятся 2 рыбозавода и 1 рыбоконсервный завод (строится холодильник).

11. Ичинский комбинат – организован в 1929 г. В настоящее время в составе комбината находятся 2 рыбозавода и рыбоконсервный завод.

<...>

В 1928 г., в первый год своего существования, АКО имело только 24 рыболовных и краболовных участка и 3 рыбоконсервных завода. За период с 1928 г. по 1933 г. рыбная промышленность АКО развивается за счет передачи ему новых рыбопромысловых угодий (в основном, частным сектором) и за счет строительства новых рыбоконсервных заводов. Количество рыболовных и краболовных участков в 1933 г. достигает 190, в 1938 г. – 16 рыбоконсервных заводов.

В настоящее время АКО имеет 26 рыбокомбинатов и самостоятельных рыбозаводов, с 188 рыболовными и краболовными участками (некоторое количество участков было передано колхозам), с 17 консервными заводами и 8 холодильниками (девятый холодильник находится в стадии строительства)» (7).

Этот перечень взят из подготовленной в 1943 г. краткой справки о развитии государственной рыбной промышленности Камчатки.

Озерновский рыбокомбинат

Основным предприятием советского сектора, работавшим с неркой в юго-западном районе, был Озерновский рыбокомбинат АКО.

Озерновский рыбокомбинат являлся предприятием уникальным – не зря о нём говорилось: «...не может трактоваться в понимании и содержании, прилагаемом к обычному типовому предприятию социалистической рыбной промышленности. Озерновский комбинат <...> с точки зрения его сырьевой базы является основным районом добычи и обработки красной (нерки) – наиболее ценного вида дальневосточных лососей не только Камчатки и СССР, но и соседней, работающей

на концессионных началах в наших водах – Японии. Это обстоятельство создаёт одну из предпосылок исключительности и своеобразия Озерновского Рыбопромышленного района» (2).

Это выдержка из отчёта Камчатской комплексной экспедиции 1936 г., организованной Народным комиссариатом пищевой промышленности СССР и обследовавшей предприятия Акционерного Камчатского общества. (Далее в тексте цитаты взяты из этого отчёта, если не оговорено иное.)

Значение рыболовства камчатских конвенционных вод с точки зрения японских концессионеров в 1928 г. характеризовалось поступлением от продажи камчатской рыбопродукции суммой в 46 млн йен (в том числе лососевых консервов – на 30 млн йен). В народнохозяйственном балансе Японии это составляло около 40 % всего рыбоэкспорта. В то же время из всех арендованных на Камчатке акционерным обществом «Ничиро гьо-гьо кабусики кайся» промыслов, 80 % (90 % рыбоконсервных заводов) находились на западном побережье полуострова. Из всех западнобережных рыбоконсервных заводов половина располагалась в красноводном районе Озерной. В последующие годы, в результате японского экономического кризиса, цифры изменились, в 1936 г. из 27 заводов здесь находилось всего 11 (правда, наиболее мощных).

Поводом, привлекавшим интересы концессионеров к камчатским водам вообще, была оценка ими этих вод, как «одного из трёх известнейших по рыбным богатствам районов на земном шаре». Поводом же, привлекавшим интересы концессионеров к району Озерновского рыбокомбината, было качество получаемой продукции. В уловах японского сектора доля нерки составляла 12 %, а в выпуске готовой продукции – 59,3 %.

Этим объяснялся решающий интерес общества «Ничиро» именно к району Озерновского комбината.

На первых этапах советизации положение отечественных промыслов было прискорбным. На Озерновском морском участке (лежавшем в 2,5 км к югу от устья) работали организации переходного периода – «Рыбопродукт» и «Морепродукт». Дальше на юг тогда участков не было, а все 6 северных находились в аренде у «Ничиро». Особенно высоко оценивался речной участок, на котором тогда было пять тоней. Озерновские промыслы «Рыбопродукта» обслуживались 65 рабочими – 61 японцем, 2 китайцами и 2 русскими. В сел. Запорожье насчитывалось 124 ловца. Промышленные постройки перешли к «Рыбопродукту» от частника Андреева. Это были старая контора с гнилым низом (оценённая в 200 руб.), не приспособленный для проживания рабочий барак, тоже гнилой (оценённый в 180 руб.), склад из ящичных дощечек с проржавевшей крышей (150 руб.), колодец с деревянным гнилым срубом и две лебёдки – паровая и ручная. Паровая лебедка работала, ручная пришла в полную негодность.

Расход по промыслу в 1927 г. составил 95 тыс. рублей, скупная рыба принесла 10 тыс., и в итоге «Рыбопродукт» получил убытков на 20 тыс. рублей.

На косе правого берега р. Озерной стоял завод Грушевского. Его предстояло переделывать на две линии. Рыборазделочное помещение было низким и тёмным. Контролёр Калинин в акте от 18 октября 1927 г. зафиксировал, что администратор Боровой пьянствовал, икрянщик бездельничал, а приёмщик рыбы из-за нетрезвости не мог садиться на пароход.

На Кошегочеке, втором рыбозасольном предприятии «Рыбопродукта», в то время сдачею сырца занималась рыбоартель. Постройки облегчённого типа нуждались в отоплении, контора и склад омывались штормами. Из 15 рабочих и служащих японцев было 13. План лова в 1927 г. был выполнен на 15 % в денежном отношении.

А вокруг дымились трубы японских рыбоконсервных заводов. Принадлежавший обществу «Ничиро» Опалинский завод смешанного типа, рыбо- и крабоконсервный на три линии – в 1927 г. выпустил 38 тыс. ящиков рыбных и 11 тыс. ящиков крабовых консервов. Трёхлинейный крабоконсервный Кошегочинский завод (тоже «Ничиро») произвёл 25 тыс. ящиков рыбоконсервов и 8,5 тыс. ящиков краба. Явинский трёхлинейный рыбоконсервный завод произвёл 30 тыс. ящиков рыбных консервов. Смешанный шестилинейный Озерновский завод выпустил 40 тыс. ящиков рыбных консервов и 3 тыс. ящиков краба.

Казалось, силы были неравными. Но Камчатка уже тогда привлекала внимание московской власти. Ещё 2 марта 1923 г. декретом Совнаркома РСФСР был установлен «Порядок эксплуатации рыбных и морских зверобойных промыслов на Дальнем Востоке». Сохраняя основные положения конвенции 1907 г., он гарантировал выполнение японскими арендаторами обязательств и ликвидировал для них возможность хищнического промысла.

Как же строился Озерновский рыбокомбинат – после ряда общих мероприятий советского правительства по урегулированию камчатского рыболовства, после укрепления государственного обобществлённого сектора, после ликвидации деятельности «Морепродукта» и «Рыбопродукта»?

В 1928 г. был создан трёхлинейный государственный рыбоконсервный завод № 3 при устье р. Озерной. Его сырьевую базу обеспечивали две группы предприятий. Озерновская группа состояла из четырёх участков – два в 14 км к северу от устья, два – в 2 км южнее. Сюда же относился и скупной участок на Озерной. К Опалинской группе относились четыре участка севернее устья р. Опалы и скупной участок южнее устья.

В 1931 г. Опалинскую группу присоединили к Озерновской, благодаря чему и возник Озерновский рыбокомбинат. В 1933 г. к нему присоединили рыбоконсервный завод № 13 (в 8 км от устья р. Озерной). Добавились ещё пять морских участков.

Отдельно, в 13 км к северу от Озерной, был участок, до 1930 г. принадлежавший обществу «Ничиро».

После объединения все эти участки образовали отдельные базы Озерновского комбината.

В отчёте АКО было сказано: «...если средняя производительность всех 5 наиболее мощных заводов Ничиро за весь период выражалась в 38 472 ящ. консервов красной, то Озерновский РКЗ № 3 давал их за тот же период 42 910. Такое положение иначе, чем весьма удовлетворительным признать не представляется возможным» (2).

Требовалось ускорение реконструкции комбината, перевооружения его «на новом уровне техники и при новом качестве отношений». Специфика положения Озерновского комбината сказывалась на всём – на стоимость его продукции падало ежегодно свыше полумиллиона накладных расходов по уплате аренды за морские участки (634 тыс. рублей в 1935 г.). Это происходило благодаря конвенционному режиму и не практиковалось больше нигде в СССР.

Приказ по Наркомпищепрому СССР № 1234 от 9 июля 1935 г. «О чановом посоле лососевой породы рыб и хранении лососевой икры на Камчатке АКО и в других районах Дальнего Востока» гласил: «...На Камчатке АКО продолжает обрабатывать ценную рыбу лосось японским штабельным посолом, а икру хранить на берегу.

Приказываю: 1. Запретить в 1936 г. АКО приготовление рыбы штабельным посолом, перейдя на более культурный посол чановый с охлаждением льдом, а где это возможно – сдавать сырьё на рефрижератор.

2. АКО предусмотреть в своем титульном списке деревянные чаны... к путине 1936 г.

3. Адамовичу обратить серьезное внимание на приготовление икры... построив ледники...» (7).

Кстати, ещё в 1902 г. А. А. Прозоров в капитальном труде «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» писал о японском сухом посоле рыбы, который массово применялся на камчатском побережье:

«Нельзя не признать, действительно, что этот способ эксплуатации лососевых пород рыб является чрезвычайно простым, и что он, как доставляющий малоценный продукт, не соответствует качеству рыбы; предпочтительней гораздо развитие посолки рыбы в бочках (русский способ) или приготовление рыбных консервов в жестянках, по образцу того, как это делается англичанами и американцами на побережье Тихого океана. Но эти последние способы требуют больших затрат, многолетних опытов, а потому правильней было бы перейти со старой системы на новую постепенно, уменьшая первую по мере увеличения последней, а не вдруг, как это сделано теперь; старый способ прекратился, а новый ещё не успел возникнуть» (4, с. 259).

Для того, чтобы развивать промысел в Озерновском рыбопромышленном районе, не хватало рабочей силы. Её количество поднялось с 1 371 человека в 1933 г. до 1 891 человека в 1935 г. Судя по данным сектора кадров, в 1936 г. завербованных раньше этого года на комбинате числилось 639 человек, а всего на территории Озерновского района летом 1936 г. насчитывалось 2 548 человек. Район считался малоспособным к дополнительной мобилизации человеческих ресурсов из-за недостаточности кадров как на основном производстве, так и в обслуживающих отраслях. Ещё в 1930–1931 гг. при разработке проекта переселения в Охотско-Камчатский край 120 тыс. человек переселение в Озерновский район вообще не планировалось. На все пункты «второго порядка» (в числе которых должен был фигурировать и Озерновский район) отводилось всего 1 690 рабочих единиц с 3 380 едоками. Эта цифра совершенно недостаточна, даже если б район был единственным в списке «второго порядка».

Ещё 3 августа 1931 г. – при всей ограниченности кругозора провинциальных работников, мало осведомлённых о действительном размещении природных богатств – было признано совершенно необходимым организовать «город, численностью, примерно, в 10 000 жителей».

В 1937 г. район уже обладал *«новейшей и ценнейшей технической аппаратурой, импортными и советскими машинами, оборудованием, механизмами и приборами по линии рыбной промышленности»*.

В отношении всего прочего, касающегося других отраслей промышленности крупной или мелко-кустарной или ремесленной – район Озерновского РК – совершеннейшая пустыня» (2).

В районе Озерновского комбината действовали три вида транспорта. Автотранспорт (трёхтонный грузовик, содержание которого обошлось в 1936 г. в 13 тыс. рублей), собачий транспорт (с содержанием 113 тыс. рублей в год; собаки перевозили лес, дрова, сено, молоко, осуществляли внутрикомбинатные перевозки и случайные перевозки, к примеру, больных и пр.) и конский транспорт (143 тыс. рублей).

Квалификационный состав рабочей силы комбината был весьма низким. Около половины составляли рабочие 2 и 3-го разрядов. Высшие квалификации (6 и 7-й разряды) имели только 6 % рабочих. Не лучше обстояли дела с инженерно-техническими работниками. Всего на комбинате их было 45, и только один – заведующий лабораторией, молодой химик без стажа, – имел высшее техническое образование. Единственный человек на комбинате, имевший не только высшее образование, но и учёное звание – начальник политотдела И. А. Ретинский, по специальности философ. Из 1 862 работников комбината 1 596 составляли рабочие, 69 – служащие, 152 – обслуживающий персонал.

«Основного элемента – жилищных условий, понимаемых в смысле „материка” – жилищной площади для большинства населения комбината – не существует, – признавали составители отчёта. – Наряду с жилыми домами, всё ещё и доныне в путину основным жилфондом являются палатки разных категорий и землянки, граничащие, в первом звене своих переходных стадий, с представлением о жилье, и на противоположном, переходящем в понятие нежилого строения» (там же). На самом благополучном предприятии комбината – рыбозаводе № 1 на Опале – на одного обитателя домов приходилось 2,7 м², на обитателя палаток – 2,4 м². Несмотря на максимальную перспективность, Озерновский рыбокомбинат находился в положении значительно худшем среднего по пятнадцати комбинатам АКО.

Больница была не в состоянии принять всех. Уборных и мусорных ям не хватало.

«Посёлок Озерновского рыбокомбината плохо расположен в отношении задымления с утильзавода... Улицы посёлка беспорядочны, не озеленены, ничем не ласкают глаза, в ясные дни несколько суровая природа окружающего горного ландшафта резко не увязывается с беспорядочным нагромождением построек и грязью посёлка» (там же).

В посёлке существовал хороший светлый клуб на 300 мест, в котором часто имели место любительские рабочие спектакли, выступления кружков художественной самодеятельности, иногда демонстрировались кинофильмы. *«Помимо развёртывания клубной работы, клуб охотно посещается из-за того, что дома в свободное от работы время тесно, и отдых почти невозможен»* (там же).

В центральном посёлке комбината действовала пятиклассная школа с тремя учителями, в которой учился 101 человек. Учебных пособий не хватало, а преподавательский состав был недостаточно подготовлен и опытен. Во время летних каникул, в путину, на первом этаже школы открывались ясли, но персонал в них был неквалифицированным. Детские заболевания были часты и иногда заканчивались смертными случаями.

При комбинате в неотреставрированном здании существовала больница на 12 коек. Заразных больных летом держали в отделённой колючей проволокой эпидемической палатке, зимой – в общих помещениях. Роженицы не были отделены, акушерки в штате не было (хотя только в 1935 г. было 85 родов). Не было в больнице и фельдшера – всего один врач и несколько неквалифицированных медицинских сестёр. Отсутствовали ходовые медикаменты.

Общественное питание на комбинате было признано вполне удовлетворительным. Однако в основном оно готовилось из сушёных овощей и из привезённых с «материка» консервов. Единственного продукта местного производства – медвежьей колбасы – было произведено всего 1 200 кг. Кроме того, местные ресурсы дали 50 т молока, 5 тыс. шт. яиц. Вместо запланированных под посадки овощей 32 га было освоено меньше 13.

Выводы, сделанные комиссией АКО, были следующими. Необходимо было в первую очередь увеличить население Озерновского рыбопромыслового района до 15–20 тыс. человек. Основной площадкой строительства Озерновского района, в целом, должна была стать долина р. Озерной. Предлагалось город основать в районе «Вторых ключей», в 25 км к востоку от комбината, в защищённой от ветров сопками широкой речной долине с хорошим климатом, с обилием зелени и солнца. Уже тогда рассматривался *«неиспользованный, неистощимый запас тепловой энергии для ото-*

пления, парников, оранжерей, бытового обслуживания» (2). Питание должно было обеспечиваться в основном местными ресурсами – мясом медведей, оленей, горных баранов, ягодами, грибами, а также скотом и выращиваемыми на сельскохозяйственной ферме овощами.

На основе освоения этой территории могла быть решена проблема реконструкции Озерновского комбината в морской рыболовный район с освоением площадей на север вплоть до Опады.

Лагуну р. Озерной в плане широкой реконструкции было предложено преобразовать в Западнобережный рыбацкий порт-убежище. Наряду с новыми объектами активного лова (лосось, сельдь) предлагалось, используя до конца старые пассивные орудия лова, вернуться к интенсивному промыслу трески и краба.

Было рекомендовано, не отказываясь от ставных неводов как основных орудий лова, вводить в практику широкое использование жаберных плавных и дрейфтерных сетей.

«В основу организации должен быть положен принцип ловить дольше, ловить больше и больше» (там же), – говорилось в рекомендациях комиссии. Для этого требовалось заниматься разведкой, составлением промысловых карт, научно-промысловыми исследованиями и даже рационализацией системы зарплаты, отражавшей до этого ставку на рунный ход.

Чтобы ликвидировать текучку кадров, чтобы повысить их квалификацию, необходимо было создать людям достойные бытовые условия.

Реконструктивная программа берега, как фактора добычи, предполагала не только капитальные вложения в орудия лова, флот, портостроительство и пр. Нужно было обустривать сетевые мастерские, сушилки, склады, консервационные помещения для сезонных орудий лова.

В 1938 г. на полуострове побывал дальневосточный писатель Трофим Борисов. В своём очерке, вышедшем годом позже в Хабаровске, «На берегах Камчатки» он рассказывал:

«Во второй половине августа плыли вдоль западного побережья Камчатки к северу. Через каждые два километра – рыбозавод. Далеко в море были выдвинуты сети ставных неводов. Сотни наплавов и буйев качалось на мелких волнах. Около них кунгасы и катера, а мористее дымили пароходы, выгружающие на берег продукты и товары. Прибрежные воды оживлены чрезвычайно. Чайки тысячами стаями кружатся в полосе прибоя и над рыболовными снарядами.

Прибрежное плато западного берега Камчатки низкое, намывное. Отдельные пики далекого горного хребта – словно шатры кочевников. Картина была бы скучной и неинтересной, если бы не десятки высоких дымящихся труб консервных заводов.

Охотское море было спокойно. Светило солнце. Каждый раз, когда проходили близко около ловушки ставного невода, были видны кунгасы, наполненные серебристыми лососями. Обильно ловился кижуч, которого американцы называют „силвер сальмон” – серебристый лосось. И на самом деле, красивее кижуча, пожалуй, и не сыщешь другой рыбы.

На море суэта, на берегу тоже. Элеваторы уносят улов с пристаней на машины, расставленные в просторных помещениях консервных заводов, где идет сложное и интересное производство рыбных пищевых консервов. Лососи, падая с распределительной башни на разделочные станки, выходят из них без голов, плавников, чешуи и внутренностей. Затем несколько линий однородных машин режут туловище на порции, всовывают в баночку определенное количество мяса. Подсаливают его, прикрепляют к баночке крышку и перебрасывают уже не рыбу, а баночки к автоклавам для варки и стерилизации.

Работа станков рассчитана, и они отрегулированы с такой производительностью, что в каждую секунду с одной линии машин завода в ящики поступает одна баночка готового консерва.

Есть заводы по шесть линий. Следовательно, можно получить ежесекундно шесть баночек консервов. Но это минимально. У хорошего инженера машины последнего образца дают при шести линиях пятьсот сорок баночек или одиннадцать с половиной ящиков в минуту...» (1, с. 65–66)

Промышленное освоение западного берега Камчатки продолжалось.

А потом началась Великая Отечественная война. После войны Акционерное Камчатское общество было преобразовано в Камчатский государственный рыбопромышленный трест (КГРТ).

Но это уже тема другого рассказа.

1. Борисов Т. На берегах Камчатки. Хабаровск : Дальгиз. 1939.
2. ГАКК. Ф. 541. Оп. 1. Д. 12. Камчатская комплексная экспедиция 1936 г. Озерновский рыбопромышленный комбинат. М., 1937.

3. *Огановский Н. П.* Очерки по экономической географии СССР. В связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам. Изд. 2-е, перераб, обновл. М. : Новая деревня, 1924.
4. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб. : Труд, 1902.
5. *Рихтер З.* У белого пятна. М. : Федерация, 1931.
6. Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. М. : Госкнига и изд-во научпромбюро Дальрыбохоты, 1923.
7. Справка о развитии государственной рыбной промышленности Камчатки. 1943 // URL: http://fishmuseum.ru/?d=history&con=mpub&linkid=3&id_cont=3&t_name=museum_pub&n=3&id=3&title

А. П. Пирагис, М. А. Стреляева
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ КРАСНОФЛОТЦА ДОРОТЫ

Аннотация. В публикации приведены результаты поисковой работы по установлению биографических данных участника Курильской десантной операции в августе 1945 г. А. А. Дороты. Подняты нерешенные до настоящего времени вопросы: отсутствие точных данных о потерях в ходе десантной операции, поименных списков участников десанта, информации о количестве и местонахождении всех захоронений погибших. Подчеркнута важность продолжения работы по поиску захоронений участников Курильской десантной операции, увековечению их памяти, а также восстановлению и охране памятников погибшим воинам.

Ключевые слова: Курильская десантная операция августа 1945 г., Курильские острова, о. Шумшу, некрополи Петропавловска-Камчатского, А. А. Дорота, поисковое движение России.

Abstract. The publication presents the results of search work on ascertaining of life records of A. A. Dorota, the participant of the Kuril landing operation in August of 1945. The unsolved to the present time questions are brought up: lack of accurate data of losses in the landing operation, named list of participants of the landing, information about quantity and location of all burial places of the lost. The author underlines the importance of continuing the search work of burial places of the Kuril landing operation participants, perpetuating their memory, restoring and protection of monuments to dead soldiers.

Key words: Kuril landing operation in August of 1945, the Kuril Islands, Shumshu Island, necropolis of Petropavlovsk-Kamchatsky, A. A. Dorota, the Russian Search Movement.

С каждым годом мы отодвигаемся от многих событий прошлого, забываем их и теряем материальные их свидетельства. Таково свойство времени – безжалостно хоронить старину. Человек сопротивляется этому негативному процессу и пытается сохранить для потомков память о важных событиях. Много в этом вопросе сделано на Камчатке. Тому подтверждение – наличие в городах и поселках полуострова памятников, архитектурных сооружений, письменных свидетельств. Конечно, хотелось бы, чтобы их было больше, а имеющиеся были сохранены.

Однако у нас не всё позитивно. Имеются в виду исчезнувшие памятники на старых некрополях Петропавловска-Камчатского. Нет у нас старых кладбищ. Время и бездушные стерли их с лица земли. В июле 2007 г. одним из авторов статьи было обследовано заброшенное кладбище на 4-м км. Оно представляло унылое зрелище. Исчезло множество могил интересных исторических личностей Петропавловска, достойных наших сограждан. Горько это было сознавать, ведь надгробные памятники – как документ. Он должен быть в порядке и сохранен. А некрополь – архив под открытым небом. Сколько тысяч единиц его хранения уничтожено в XX в.! Исчезли навсегда страницы истории не одного поколения горожан (5).

Тогда же среди кустов и зарослей бурьяна был обнаружен памятник со звездой наверху, с якорем на основании и с сохранившейся табличкой: «Здесь покоится Дорота Александр Аврамович 1924 года рождения. Спи, дорогой товарищ. Ты храбро сражался с японскими самураями за советскую Родину. Память о тебе мы сохраним вечно в своих сердцах. От экипажа корабля». Стало понятно, что это могила участника Курильского десанта в августе 1945 г. (3, с. 43). А ведь современники свыклись с тем, что могил погибших десантников в Петропавловске не сохранилось.

О находке была написана заметка в газету (4), а в последнем, третьем, издании Книги Памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, была опубликована фотография могилы А. А. Дороты.